

ОТЗЫВ

Официального оппонента о диссертации Владимира Таймуразовича Чшиева
"Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии",
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.06 – археология

Во время проведения Крупновских чтений в 2008 году в г. Владикавказ, мне вместе с Валентиной Ивановной Козенковой посчастливилось увидеть материалы из раскопок Адайдонского могильника. Показал нам эти предметы автор раскопок - Владимир Таймуразович. Среди материалов могильника есть и бронзовая антропоморфная пластика в виде парного изображения всадников на рукояти кинжала IX-VIII вв. до н.э. Спустя 9 лет после знакомства с вооруженными всадниками и археологом, их открывшим, я с интересом взялась за оппонирование данного диссертационного исследования, целью которого является формирование целостного представления о погребальном обряде и материальной культуре кобанских племен предгорно-равнинной части Северного Кавказа. В работе поставлены конкретные исследовательские задачи: систематизация и типологизация материалов Эльхотовского могильника; хронологическая дифференциация погребальных комплексов; периодизация материалов; выявление и определение инокультурных влияний на кобанские племена центрального варианта кобанской культуры; составление каталога материалов кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии.

В качестве полигона исследования В.Т. Чшиев выбрал Эльхотовский могильник. Хочется подчеркнуть, что автор диссертационного исследования сам открыл и раскопал этот памятник, ставший эталонным для региона. Более широкой источниковедческой базой для исследования послужили материалы из 11 поселений и 7 могильников предгорно-равнинной части Северной Осетии, прежде всего 116 погребальных комплексов Эльхотовского, Николаевского, Змейского, Заманкульского, Комаровского, Моздокского могильников.

Диссертация состоит из четырех глав, заключения, списка использованной литературы и источников, альбома иллюстраций, а также двух томов приложений, представленных в виде отдельного тома таблиц количественных данных элементов обряда и вещевого материала

Эльхотовского могильника, а также отдельного каталога погребальных комплексов памятников предгорно-равнинной части республики Северная Осетия – Алания.

В первой главе дается географический и историографический обзор памятников кобанской культуры предгорно-равнинной зоны Северной Осетии. Его сопровождает общий обзор и характеристика поселенческих и погребальных памятников изучаемого региона. Диссертант визуально исследовал все упоминаемые в тексте памятники и дополнил диссертацию собственными археологическими сборами (с. 77). Географический и геоклиматический обзор сделан с учетом палеопочвенных и палинологических данных. Автор приходит к выводу, что климат с I тыс. до н.э. в предгорной зоне Северной Осетии не претерпел значительных изменений. Сама же изучаемая территория оказалась значительно более благоприятной для хозяйственной деятельности человека, чем прилегающие к ней с севера и северо-востока степные районы. Отдельным параграфом представлена историография. Обзор делится на темы: история, хронология, новейшие знания, в рамках которых материал представлен в хронологическом порядке. Хочется подчеркнуть, что большая часть материалов недавно открытых памятников, упомянутых в историографическом обзоре, впервые вводится в научный оборот.

При обзоре поселений кобанской культуры региона, высказано наблюдение о расстоянии между кобанскими поселениями предгорной зоны, тяготеющими к Кабардино-Сунженскому хребту, равному в среднем 9 км (от 8 до 13 км). Диссертант предположил, что это явление связано с определенными границами, необходимыми для жизнедеятельности среднего кобанского поселка (с. 52-53), а также с существованием определенной системы, возможно связанной с социально-политическими и экономическими реалиями (с. 83). При изучении Среднеурухского поселения В.Т. Чшиевым впервые выделены фортификационные сооружения на кобанских поселениях центрального варианта кобанской культуры (с. 57). Им зафиксирован сложный фортификационный комплекс, включающий искусственное укрепление северного и западного склонов большими уплощенными окатанными речными камнями, а также округлое в плане небольшое возвышение (форпост или сторожевая башня?) в северной части. Известно лишь еще одно поселение с усложненной фортификационной схемой в рамках кобанской культуры – Сержень-Юртовское в ареале восточного ее варианта. При датировке поселенческих материалов автор привлекает к анализу собственные сборы керамики на поселениях (с. 67), а

также широкий круг аналогий керамическому комплексу среди материалов Приднестровья, Крыма и Северного Причерноморья (с. 59).

Обзор могильников представлен анализом погребального обряда 5 могильников и отдельного погребения у пос. Садовый. Его сопровождают выявленные В.Т. Чшиевым интересные аспекты древней погребальной традиции. Например, наличие в захоронениях мальчиков уменьшенных копий бронзового оружия (с. 74). Анализ массивной бронзовой пряжки из окрестностей с. Заманкул привел автора к выводу о влиянии восточного варианта кобанской культуры на его центральный вариант (с. 76).

Во второй главе вводится в научный оборот новый источник по истории и культуре древнего населения Северного Кавказа – Эльхотовский могильник. Могильник выявлен автором диссертации в 1996 году и им же исследовался на протяжении 10 лет. Всего в могильнике открыто 84 одиночных и 1 парное захоронение. Из них 26 погребений относятся к христианскому периоду и датированы XIV в. К кобанской культуре относится 58 одиночных и 1 парное погребение. Они разделены В.Т. Чшиевым на три хронологические группы:

- первая хронологическая группа - IX в. до н.э. - 8 погребений;
- вторая хронологическая группа - VIII в. до н.э. - 44 погребения;
- третья хронологическая группа - начало VII в. до н.э. - 3 погребения.

При анализе материалов выявлены сходства и отличия от горных памятников кобанской культуры (с. 88), а также выделены признаки погребального обряда Эльхотовского могильника (с. 88-89). Так, керамика из погребений находит параллели среди материалов Верхнекобанских и Верхней Рутхи, но отличается от южных памятников Тли. Каждое третье погребение содержит туши мелкого рогатого скота, что не встречается в западном Предкавказье, но находит аналогии среди погребений степных номадов. Выделенные особенности погребального обряда, по мнению автора, раскрывают сложный вектор связей, взаимоотношений и взаимовлияний населения с родственными и инокультурными племенами Северного Кавказа и более отдаленных регионов.

Во второй главе отдельно проанализирован погребальный обряд, где выявлена большая скорченность погребенных для первой хронологической группы, выделены такие особенности погребальной обрядности, как наличие угля и охры. Проведена типология и систематика погребального инвентаря по категориям: сосуды, орудия труда, аксессуары одежды, оружие, предметы конской упряжи, атрибуты воинского доспеха, украшения, предметы сакрального значения и предметы неизвестного назначения.

Третья глава посвящена хронологии и периодизации Эльхотовского могильника кобанской культуры, которая представляется диссертанту достаточно сложной вследствие того, что часть погребений была потревожена еще в XIV в. христианскими монахами, кроме того, в силу обстоятельств, независимых от автора, могильник не исследован полностью. Весь материал изложен по хронологическим группам. Любопытен оригинальный анализ форм кинжалов «переднеазиатского типа» и вывод об особом каноне, заключающемся в разнообразных синкретических сочетаниях рукояти переднеазиатского типа и перекрестья кобанских форм (с. 208-209). Первая хронологическая группа при анализе проявила заметную компактность по расположению на могильном поле, обряду и инвентарю. При ее анализе раскрыта загадка периодически появляющегося в тексте 9-ого погребения первой хронологической группы. Автор считает, что его создали позже погр. 15, но часть предметов погребения и элементов погребального обряда тяготеет к ранней группе (с. 212). Вероятно, в процессе написания диссертационной работы, это погребение «перекочевало» из первой во вторую хронологическую группу, но следы размышлений диссертанта остались на страницах исследования (с. 89, 94, 199). Вторая хронологическая группа составляет 75,8% от погребений могильника, однако погребальный обряд и инвентарь к VIII в. приобрели такое единообразие, что при их анализе автор не смог выделить более ранних и поздних групп, выделив лишь типично мужской и женский материал. Третья группа представлена 3 погребальными комплексами начала VII в. до н.э., которые автору удалось расположить в хронологической последовательности. Хочется подчеркнуть сделанное автором наблюдение о том, что некоторые категории кобанских украшений доживали до сарматского времени, что отражает активные контакты племен скифо-сарматского культурного круга с «кобанцами». Такое наблюдение подкреплено материалами из погребения у с. Заманкул, в 15 км от Эльхотовского могильника, где среди погребального инвентаря женского погребального инвентаря сарматской культуры была представлена гривна, аналогичная по форме и размерам эльхотовской из погр. 82, отличалась она лишь материалом изготовления. Сарматская гривна была сделана из железа (с. 226).

В четвертой главе предгорно-равнинная зона Северной Осетии рассматривается как контактная зона кобанской культуры с племенами Северного Причерноморья и юга Восточной Европы в IX-VI вв. до н.э. В нижнем течении р. Терек, в ущельях и вдоль ее притоков от эпохи поздней бронзы до эпохи средневековья проходили древние транскавказские тракты (торговые и военно-стратегические), ведущие в страны Южного Кавказа,

Ближнего Востока и Передней Азии из Северного Причерноморья и юга Восточной Европы. Здесь прослежены векторы связей и их изменения от IX до V-IV вв. до н.э. Так, интенсивные киммерийско-кавказские связи 9-7 вв. до н.э. в более позднее время (к 5-4 вв. до н.э.) меняется на более интенсивные связи с южными соседями кобанской культуры (Южный Кавказ) (с. 229-230). Отдельным параграфом рассмотрены связи памятников кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии с влиянием племен Северного Причерноморья и юга Восточной Европы. В.Т. Чшиевым рассмотрено 14 категорий погребального инвентаря в свете указанных аналогий и ставится вопрос о возможности отнесения бронзовых наконечников «новочеркасского» типа к числу предметов, появившихся в местной культуре под воздействием степных; брусковидные оселки рассмотрены в качестве генетического деривата местных кавказских традиций, а стержневидная форма оселков через Причерноморье попадает на Кавказ; каменные молоты связывает с северопричерноморским импульсом, куда они попали из районов распространения памятников кобяковской и чернолесской культур. Автор считает возможными прямые экономические связи между племенами кобанской культуры и Лесостепным регионом Северного Причерноморья и Подунавьем (с. 237). Диссертант приходит к выводу о реальных контактах инокультурного характера в предгорной зоне на протяжении 400 лет, от рубежа 10-9 вв. до н.э. вплоть до 7-6 вв. до н.э. Еще один параграф посвящен кобанским элементам в культуре населения Северного Причерноморья и юга Восточной Европы в предскифское и раннескифское время. Элементы кобанской культуры прослежены по 4 категориям инвентаря: по мискам с округлым плечом и плавно отогнутым коротким венчиком в чернолесской культуре (с. 244); бронзовые кованые ситуты и кружки с одной или двумя зооморфными ручками в памятниках предскифского и раннескифского времени (с. 244); двукольчатые бронзовые удила «новочеркасского» составляют комплекс, который складывался в кобани, однако в дальнейшем был заимствован и модифицирован степными племенами скифского культурного круга и передан другим племенам Северного Причерноморья и Подунавья (с. 246); уздечный комплекс с S-видными псалиями находит аналогии в Луристане в 9-8 вв. до н.э., могильнике Марлик, Хасанлу IV (Иран). К этому же времени относятся находки на Южном Кавказе (мог. Мелаани, Трели, некрополь Димац, Калакент, курган 1 у с. Арчадзор). Автор приходит к выводу о «кобанском пути» поступления из Передней Азии в степные районы некоторых типов металлической узды и технологии производства железа. Хотелось бы увидеть

описанную и обоснованную картину широких связей населения кобанской культуры в виде карт.

В заключении автор диссертации приходит к выводу об активной жизни в начале – первой трети I тыс. до н.э. на памятниках северной подгруппы центрального варианта кобанской культуры эпохи их расцвета. В начале 7 в. до н.э. резко меняется политическая ситуация в регионе предгорий, хотя в более южных районах предгорий и высоко в горах жизнь на кобанских поселениях продолжается без перерыва вплоть до 7-5 вв. до н.э. После временного затухания в предгорно-равнинной зоне с конца 7 – 6 вв. до н.э. вновь появляются памятники кобанской культуры. Хочется подчеркнуть зафиксированные автором множественные параллели в керамике с северной и восточной частью Северного Причерноморья, Лесостепью и Приднестровьем, характер этих параллелей автор не спешит трактовать, лишь фиксируя их и обозначая как «не ясные», указывая на разноплановость взаимоотношений в разные временные периоды (с. 254). Автор фиксирует угасание жизни на поселениях и прекращение существования могильников в 7 в. до н.э., однако не спешит с уверенностью установить причины таких явлений (с. 255).

Оценивая работу в целом, можно отметить, что основные цели, поставленные диссертантом выполнены. Однако для будущего продолжения работы мне хотелось бы высказать некоторые пожелания и замечания.

Диссертационная работа В.Т. Чшиева построена таким образом, что иллюстративный материал и таблицы являются визуальной базой исследования. От качества его подачи зависит степень достоверности самой работы.

Иллюстрации начинаются с карты расположения памятников кобанской культуры в предгорно – равнинной зоне Северной Осетии (рис. 1). Здесь условных обозначений больше, чем указано в легенде. Нет расшифровки для трех обозначений (для полого круга, полого круга с черным кругом в центре, полого круга с полым кругом внутри).

Иллюстрации представлены на высоком уровне. Особенно стоит отметить реконструкцию системы женских украшений Эльхотовского могильника (рис. 63), сделанную автором. Лишь в одном случае рисунки выглядят не четкими (на рис. 44 изображения со 2 по 10). Вероятно, таблицы перекомпоновывались в процессе написания диссертационного исследования, что привело к нарушению ссылок на рисунки в тексте.

В приложении 1, посвященном таблицам с количественными данными элементов обряда и вещевого материала Эльхотовского могильника, также отражен процесс написания диссертации, выражающийся в неполном

совпадении информации в тексте с таблицей 10. Так, на с. 90 при описании погр. 36 описано 2 датирующих предмета, в то время как в таблице в качестве датирующих выделено 3 предмета. Было бы логично либо добавить описание крестовидной привески в тексте, либо убрать предмет из таблицы. На с. 91 при описании погр. 77 описано 2 датирующих предмета, а в таблице их 3, при описании погр. 80. в качестве датирующего предмета указан 1 предмет, а в таблице указано 2 предмета.

К тексту диссертационного исследования так же есть ряд замечаний. В тексте имеется достаточно большое количество погрешностей (перепутаны номера рисунков, иногда перепутаны страницы при ссылках) редакционного характера, которые, несомненно, будут исправлены при публикации и будут переданы автору лично. Термин Закавказье считается устаревшим, сегодня чаще упоминают Южный Кавказ. Такие памятники, как мог. Куланурхва, Красномаяцкий могильник и могильник на Сухумской горе отнесены автором к Западной Грузии (с. 60), хотя они всегда относились к территории Абхазии. Есть некоторая путаница со склонениями имен ученых, так исследователь В.А. Петренко указан, как «посвятившая пряжкам .. статью» исследовательница (с. 76). Некоторые погребенные при анализе взрослеют, например на с. 220 погр. 82 обозначено как детское и трактовано как погребение девочки-подростка, а спустя 5 страниц это погребение рассматривается как женское. В первой главе наличие костей мелкого рогатого скота в погребении трактуется автором как кочевнический признак, а во второй главе на с. 95 поставлен вопрос о том, являются ли это признаком местным или кочевническим. В одном случае перепутаны обозначения западного и восточного вариантов кобанской культуры (с. 87). На страницах диссертации в равной мере используются термины кобанская культура и кобанская культурно-историческая общность (с. 95, 146, 192, 238), однако позиция автора на страницах диссертации к этим терминам не обозначена. Не всегда понятно изложена градация сосудов на подтипы. Так, на сс. 106-107 керамические кружки 1 типа делятся на первые два подтипа исходя из наличия или отсутствия орнамента, а третий подтип выделен по форме тулова и наличию ручки. Некоторые вопросы вызывает и аргументация при датировании предметов. Так, при анализе ножей 2 типа (на с. 113-114) в качестве аналогий приведены ножи из гробницы 3 могильника Терезе, для которых указана дата для более ранней гробницы 1, где также были найдены железные ножи (Козенкова, 1998, с. 9; с. 157; табл. I, 11; Козенкова, 2004, с. 113-114).

Завершая отзыв, хочу подчеркнуть, что высказанные замечания носят частный характер и не умаляют весь объем работ, проведенный диссертантом

для изучения памятников предгорно-равнинной зоны Северной Осетии в первой половине I тыс. до н.э.

Основные положения и выводы диссертации В.Т. Чшиева нашли отражение в его статьях, в том числе в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК.

Характер и объем проделанной работы, использованные в ней методы и результаты, полностью отвечают требованиям "Положения о присуждении ученых степеней", предъявляемых к кандидатским диссертациям, а ее автор Владимир Таймуразович Чшиев заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Научный сотрудник
Отдела истории материальной культуры народов Востока
Федерального государственного бюджетного учреждения культуры
Государственного музея искусства народов Востока,
кандидат исторических наук

О.А. Брилева

07.09.2017 г.

119019, Россия, г. Москва,
Никитский бульвар, д. 12-А.
Тел. (495) 691 02 12
E-mail: info@orientmuseum.ru
<http://www.orientmuseum.ru>

Подпись О.А. Брилевой удостоверяется
зам. начальника отдела кадров

Handwritten signature of the deputy head of the HR department.